Подарок от президента

ЗАПОВЕДЬ КИПЛИНГА

ТРУДНО сосчитать, сколько раз за последние два года я собственноручно перепечатала на машинке стихотворение «Заповедь» Редьярда Киплинга. В тяжелые дни, когда по радио и телевидению разносились лишь горькие стоны, я, помнится, включила его в свой обзор на «Радио России». Хлынули письма с просьбой: повторите, мы запишем на магнитофон. Предварительно объявив, когда это свершится, я приготовила еще одну передачу с «Заповедью». Лев Ярыгин — режиссер, с которым мы работаем на радио, прочел «Заповедь» великолепно, под запись. Но писем не стало меньше — наоборот, прибавилось.

Самые искренние мольбы: «Пожалуйста, ради Бога, пришлите «Заповедь», «У меня нет магнитофона, я не успела...», «Мы писали вдвоем с женой, но записали лишь половину...», «В казарме мы заранее приготовили магнитофон, все проверили, но магнитофон отказал через минуту, и все пропало... По поручению солдат и офицеров...», «Я скоро умру, я должна подарить «Заповедь» внуку, умоляю, пришлите».

И вот я сижу за машинкой... Киплинга несколько раз издали в разных городах. Но на лотках он мелькнул — и опять недоступен. Переиздать же большим тиражом великолепный сборник «Избранные стихи» (Гослитиздат, 1936 год, тираж 10 300) что-то никто никак не соберется. Жаль. Судя по почте, эта книжка нужна была бы очень-очень многим. В книжечке меньше трехсот страниц (72×110 1/32), переплет коленкоровый и старинная металлическая сшивка — страницы держатся мертво. Переводы А.Оношкович-Яцына и Геннадия Фиша, Е.Полонской, Б.Соловьева, М.Фромана, Б.Брика, М.Гутнера, С.Займовского. Мне попадались переводы из Киплинга, сделанные знаменитыми поэтами. Я осталась к ним равнодушна, осталась в убеждении, что лучшие переводы — в сборнике 1936 года. Конечно, это очень субъективно. Но ведь те, кто меня читает, интересуются именно моим мнением...

«Заповедь» тоже переведена многократно. Но «мою» заповедь перевел М.Лозинский. Ее-то я и перепечатываю для своих читателей и слушателей без конца от руки. Вот она:

Владей собой среди толпы смятенной,
Тебя клянущей за смятенье всех,
Верь сам в себя, наперекор вселенной,
И маловерным отпусти их грех;
Пусть час не пробил, жди, не уставая,
Пусть лгут лжецы, не снисходи до них;
Умей прощать и не кажись, прощая,
Великодушней и мудрей других.
Умей мечтать, не став рабом мечтанья,
И мыслить, мысли не обожествив;
Равно встречай успех и поруганье,
Не забывая, что их голос лжив;
Останься тих, когда твое же слово
Калечит плут, чтоб уловлять глупцов,
Когда вся жизнь разрушена, и снова
Ты должен все воссоздавать с основ.
Умей поставить в радостной надежде
На карту все, что накопил с трудом,
Все проиграть и нищим стать, как прежде,
И никогда не пожалеть о том;
Умей принудить сердце, нервы, тело
Тебе служить, когда в твоей груди
Уже давно все пусто, все сгорело,
И только Воля говорит: «Иди!»
Останься прост, беседуя с царями,
Останься честен, говоря с толпой;
Будь прям и тверд с врагами и с друзьями,
Пусть все, в свой час, считаются с тобой;
Наполни смыслом каждое мгновенье,
Часов и дней неумолимый бег, —
Тогда весь мир ты примешь, как владенье,
Тогда, мой сын, ты будешь Человек!

...Видно, что-то есть в этих категорических заветах, очень нужное, насущное. Ну, неспроста же из разных городов, городков, городишек, сел идут письма с просьбой прислать «Заповедь». Этот тон уверенного в своей правоте человека, ничуть не сомневающегося, что надо именно так, а не иначе... Этот жесткий приговор похвалам и ругани: «их голос лжив»... Эта наука о такте, изложенная в пяти словах: «не кажись, прощая, великодушней и мудрей других»... И длинная строка — речь поучающего несуетна, внятна, он знает, что ему внимают...

В который раз дарю «Заповедь» — зная, что многие с благодарностью примут дар.

Познакомлю вас еще с одним переводом этого стихотворения. Перевод принадлежит Константину Николаевичу Федорову (1927—1988) — ученому-океанологу с мировым именем, члену-корреспонденту Академии наук. В родословной Константина Николаевича было несколько известных литераторов — Я.К.Грот, например, Анна Бунина. Федоров прекрасно владел французским и английским языками, переводил без подстрочника Киплинга, Бодлера, Мустаки. Но ни свои переводы, ни стихи никогда не предназначал для печати. Лишь одно его стихотворение опубликовано Ольгой Кучкиной в ее книжке (его-то вы сейчас и прочтете), а еще два Александр Городницкий напечатал в журнале «Химия и жизнь». Все хранит вдова ученого — Анна Ивановна Гинзбург.

Сумей держаться в час, когда кругом
Теряют головы, тебя виня во всем.
Поверь в себя! Сумей назло судьбе
Простить неверящим сомнение в тебе.
И ждать сумей без устали и срока.
Оболганный, сумей отвергнуть ложь,
И ненавидящих не проклинай жестоко,
И не бахвалься мудростью на грош!
Сумей мечтать, мечтам себя не вверив,
Раздумий в самоцель не обратив,
Сумей встречать победы и потери,
К обеим недоверье затаив.
Сумей стерпеть, когда твое же мненье
Подлец себе на пользу извратил;
Когда пылают рук твоих творенья,
Чтоб вновь из пепла ты их возродил.
Сумей все то, что выиграл помалу,
Поставить на последний чет-нечет
И проиграть. И все начать сначала,
Ни слова не сказав про свой просчет;
Сумей заставить сердце, нерв и тело
Служить тебе, когда в них жар истлел,
Когда, собрав всю волю до предела,
Ты им стоять и выстоять велел!
Будь человеком рядом с королями,
Среди толпы не становись толпой;
Неуязвим с врагами и друзьями,
Верь людям верой зрячей, — не слепой!
Секунды, что летят быстрее света,
Сумей наполнить смыслом до одной,
Тогда твою будет вся Планета,
И станешь ты мужчиной, мальчик мой!

Мне прислано еще несколько переводов «Заповеди» Киплинга. В сравнении с корректным переводом Федорова они проигрывают. Сравнения с великим переводом Лозинского, на мой взгляд, просто не выдерживают.

Но почта о «Заповеди» так обширна и эмоциональна, что я не вижу другого выхода из этой ситуации, как только создать заочный клуб Любителей стихотворения Редьярда Киплинга «Заповедь». Себя назначаю президентом этого клуба. Перечень моих президентских обязанностей краток: все письма о «Заповеди», все варианты переводов, изыскания и прочее складывать в отдельную папку. То, что покажется моему президентскому сердцу особенно интересным, — обнародовать. Папку хранить и беречь, и думать: а не выйдет ли из нее в конце концов книжка...

Татьяна ИВАНОВА.